

3. Обычаи, установленные апостолами, послѣ были отмѣняемы (установленный ап. Іоанномъ Малоазійскій обычай празднованія Пасхи).

4. Изъ-за различія обычаевъ церкви не раздѣлялись между собою, а предстоятели церквей, хотѣвшіе производить изъ-за нихъ раздѣленіе, были сильно порицаемы за это.

5. Въ разныхъ частныхъ церквахъ обычаи были весьма разнообразны.

6. Въ однѣхъ и тѣхъ же частныхъ церквахъ и вообще во всей церкви обычаи съ теченіемъ времени подвергались измѣненію.

Изъ сказаннаго ясно, что обычаи церковные представляютъ собою нѣчто совсѣмъ отличное отъ догматовъ вѣры, что тогда какъ послѣдніе всегда едины и неизмѣнны, они (обычаи) могли быть и были разные, могли съ теченіемъ времени измѣняться и дѣйствительно измѣнялись. Изъ сказаннаго ясно, что по отношенію къ обычаю слагать персты для крестнаго знаменія очень могъ имѣть мѣсто тотъ случай, чтобы съ теченіемъ времени онъ нѣсколько разъ измѣнялся въ своей формѣ, а по отношенію къ обычаю возглашать чѣснь аллилуія очень могъ имѣть мѣсто тотъ случай, чтобы онъ одновременно существовалъ въ нѣсколькихъ формахъ. Оба случая дѣйствительно имѣли мѣсто, и благодаря этому-то и произошло наше разрозненіе съ Греками въ отношеніи къ одному и другому обычаю: у нихъ принято было къ общему единообразному употребленію троеперстіе, а у насъ было принято къ такому же употребленію предшествующее ему по времени двоеперстіе; у Грековъ стало господствующимъ троеніе чѣсн аллилуія, а у насъ было принято къ общему употребленію существовавшее одновременно съ нимъ двоеніе чѣсн.

Изъ сказаннаго съ ясностію видно, что наше разрозненіе съ Греками въ отношеніи къ сложенію перстовъ для крестнаго знаменія и чѣсн аллилуія означало не то, будто позднѣйшіе Греки утратили чистоту православія древнихъ Грековъ, а нѣчто совсѣмъ другое, нисколько не касавшееся чистоты православія позднѣйшихъ Грековъ, которой они на самомъ дѣлѣ не утрачивали.

Но въ заключеніе всего старообрядцы могутъ сказать, что вышеприведенныя наши рѣчи о значеніи обрядовъ и обычаевъ церковныхъ говорятъ не противъ нихъ за насъ, а наоборотъ противъ насъ за нихъ. Если разность между частными церквами въ обрядахъ и обычаяхъ совершенно допустима: то будетъ слѣдовать, что при существованіи передъ Никономъ нѣкоторой разности въ обрядахъ и обычаяхъ между греческою и русскою церквами вовсе не было нужды въ его—Никоновомъ исправленіи обрядовъ и обычаевъ. На это воз-

можное возраженіе старообрядцевъ мы уже отвѣчали прежде (въ статьѣ: Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами, напечатанной въ Мартовской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за 1892-й годъ). Если бы Русская церковь была происхожденія апостольскаго и вообще древняго и сама установила свои обычаи: тогда она имѣла бы полное право соблюдать ихъ (насколько бы они не были отмѣнены властію вселенской церкви). Но мы—Русскіе заимствовали вѣру, а съ вѣрою готовые обряды и обычаи, въ позднѣйшее время отъ Грековъ и по-этому всегда считали своею обязанностію быть съ ними въ полномъ согласіи относительно обрядовъ и обычаевъ или держаться именно тѣхъ самыхъ обрядовъ и обычаевъ, которыхъ держатся они. Этого положенія, что мы—Русскіе должны быть согласны съ Греками относительно обрядовъ и обычаевъ или держаться однихъ и тѣхъ же съ ними обрядовъ и обычаевъ, вовсе не отрицаютъ и старообрядцы. Но они несправедливо считаютъ позднѣйшихъ Грековъ утратившими чистоту православія древнихъ Грековъ. Если же позднѣйшіе Греки православны, какъ это есть на самомъ дѣлѣ, то мы и должны находиться въ согласіи съ ними относительно обрядовъ и обычаевъ церковныхъ. Сознавъ несправедливость составившагося у насъ мнѣнія о позднѣйшихъ Грекахъ, будто они утратили чистоту православія древнихъ Грековъ, Никонъ на основаніи или по требованію сейчасть указаннаго положенія и предпринялъ свое исправленіе обрядовъ и обычаевъ. А изъ этого ясно и видно, что его исправленіе обрядовъ и обычаевъ было вполне благословно.

III.

Дониконовскіе предки наши заподозрили позднѣйшихъ Грековъ въ отступленіи отъ чистоты православія древнихъ Грековъ вслѣдствіе того, что мы—Русскіе нѣсколько разрознились съ этими Греками въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ. Но когда оказалось, что и богослужбныя книги наши не совершенно согласны съ книгами греческими, то, имѣя уже убѣжденіе о позднѣйшихъ Грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ Грековъ, и о позднѣйшихъ богослужбныхъ греческихъ книгахъ у насъ начали думать, будто онѣ повреждены, именно—будто ихъ повредили, о чемъ говорили мы выше, венеціанскіе типографы. О несправедливости этого послѣдняго увѣренія или утвержденія мы уже сказали. Но должно показать въ полемикѣ съ старообрядцами, какъ могла произойти эта разность между книгами славянскими и греческими, не означающая поврежденія ни однѣхъ книгъ ни другихъ.

Если бы представлять себѣ дѣло о чинахъ богослуженія такъ, что они въ полномъ и законченномъ видѣ даны апостолами, съ тѣмъ, чтобы навсегда потомъ оставаться неизмѣнными: то, конечно, разность богослужебныхъ книгъ греческихъ и нашихъ славянскихъ означала бы, что въ которыхъ-то изъ нихъ допущены погрѣшности. Но въ дѣйствительности дѣло съ чинами богослужебными было не такъ. Богослуженіе постепенно слагалось у Грековъ въ теченіе очень долгаго времени и имѣло очень большое помѣстное разнообразіе, которое и выразилось въ богослужебныхъ греческихъ книгахъ. Разнообразіе въ чинахъ богослуженія изъ греческихъ богослужебныхъ книгъ перешло и въ наши славянскія книги и продолжалось въ однѣхъ и другихъ книгахъ до начала у Грековъ и у насъ книгопечатанія, которое у нихъ и у насъ должно было ввести единообразіе. Но у насъ началось книгопечатаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и установленіе единообразія въ богослужебныхъ книгахъ, когда уже составилось убѣжденіе о позднѣйшихъ Грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ Грековъ. А поэтому у насъ и устанавливали единообразіе независимо отъ Грековъ, вовсе не обращаясь къ нимъ съ справками о томъ, какое они установили у себя единообразіе. Но при такомъ способѣ веденія дѣла совершенно естественно было случиться тому, чтобы единообразіе, установленное нами, оказалось нѣсколько отличнымъ отъ единообразія, установленнаго у себя Греками, или чтобы оказалась нѣкоторая разность между греческими печатными богослужебными книгами и нашими таковыми же книгами времени дониконовскаго.

Сообщимъ кратко свѣдѣнія о постепенномъ образованіи и долговременномъ разнообразіи литургій и прочихъ общественныхъ службъ ¹⁾.

¹⁾ Для обстоятельнаго знакомства съ дѣломъ см. книги, указанные въ статьѣ: Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами, напечатанной въ февральской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за 1892-й годъ, стр. 306 прим., и кромѣ того еще: *Н. О. Красносельцева* Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ (греческихъ и славянскихъ) Ватиканской библіотеки, съ замѣчаніями о составѣ и особенностяхъ богослужебныхъ чинопослѣдованій, въ нихъ содержащихся, и съ приложеніями, Казань, 1885, *его же* Матеріалы для исторіи чинопослѣдованія литургій св. Іоанна Златоустаго, вып. I, Казань, 1889, *его же* Къ исторіи православнаго богослуженія, — матеріалы и изслѣдованія по рукописямъ Соловецкой библіотеки, Казань, 1889; *С. Д. Муретова* Историческій очеркъ чинопослѣдованія проскомидіи до „устава литургій“ Константинопольскаго патріарха Филовея, Москва, 1895, *его же* Къ матеріаламъ для исторіи чинопослѣдованія литургій, Сергіевъ Посадъ, 1895.

Литургія есть общественная служба, на которой совершается таинство евхаристіи или приносятся Тѣло и Кровь Христовы. Въ первые, тѣ или иные, годы времени апостольскаго не было литургій, а таинство евхаристіи совершалось такъ, какъ совершилъ его самъ Спаситель, т. е. безъ предшествующей службы прямо предлагались хлѣбъ и вино, которые краткими молитвами благословлялись и предлагались въ Тѣло и Кровь Христовы и затѣмъ преподавались вѣрующимъ для вкушенія и питія ¹⁾. Къ концу вѣка апостольскаго явились литургіи, ибо преданіемъ усвоается ихъ составленіе нѣкоторымъ изъ апостоловъ (литургія ап. Іакова, литургія еванг. Марка ²⁾). Что такое были эти апостольскія литургіи, остается совершенно неизвѣстнымъ, такъ какъ въ своемъ подлинномъ или первоначальномъ видѣ онѣ не дошли до насъ. Софроній Іерусалимскій говоритъ о нихъ, что образъ совершенія таинства евхаристіи во всѣхъ ихъ былъ неизмѣнно одинъ и тотъ же, но что въ молитвахъ и возгласеніяхъ онѣ различались между собою, поелику каждый апостольскій составлялъ литургію для того

¹⁾ Что въ первые, тѣ или иные, годы апостольскаго времени не было литургій, это видно изъ словъ ап. Павла въ 1-мъ посланіи къ Коринѳянамъ, гл. II, стг. 20 и 21. Если бы существовала литургія, какъ служба, то она предваряла бы совершеніе таинства евхаристіи, а между тѣмъ у апостола мы видимъ, что таинство евхаристіи предварялось вечерію любви. И по *Ἀδαχῆ τῶν δωδεκά ἀποστόλων* (Ученіе двѣнадцати апостоловъ) евхаристія совершалась безъ всякой службы, единственно съ краткими молитвами предъ благословеніемъ чаши и предъ преломленіемъ хлѣба и съ краткою молитвою послѣ приобщенія Тѣла и Крови Христовыхъ, см. въ Правосл. Обзор. 1886 г. т. II, стрр. 507—509, гл. 9 и 10. Греческій писатель начала XII вѣка Іоаннъ Фурій въ одномъ трактатѣ, посвященномъ исторіи богослуженія, говоритъ: „И благословенный хлѣбъ освящался отъ апостоловъ только оными словами: „сіе есть тѣло Господа нашего Іисуса Христа, которое преломляется для васъ во оставленіе грѣховъ““, какъ приняли они отъ самаго Учителя, безъ нѣкаго священно-овершительнаго послѣдованія призываній, которыя, частью изъ пророческихъ, частью изъ апостольскихъ и евангельскихъ выраженій, и священныхъ молитвъ, произносятся предъ освященіемъ и послѣ“, см. у *архим. Арсенія* въ Лѣтописи церковныхъ событій, 2 изд. стр. 416.

²⁾ Если бы усвоить точность показанію Плинія въ письмѣ къ импер. Траяну, то слѣдовало бы думать, что явились не вездѣ, ибо Плиній, сказавъ о собраніяхъ христіанъ въ опредѣленный день (воскресный) для утренней молитвы, объ ихъ вторичныхъ собраніяхъ для совершенія таинства евхаристіи выражается: *rursusque (sunt soliti) coeundi ad capiendum cibum*, и опять собираются для принятія пищи.

народа, къ которому былъ назначенъ, независимо отъ другихъ апостоловъ¹⁾. Первые обстоятельныя свѣдѣнія о литургіи находимъ въ апологіи Іустина мученика къ импер. Антонину, которая написана въ 150-мъ году. У св. Іустина читается о литургіи его времени слѣдующее: „Въ такъ называемый день солнца (т. е. воскресный) бываетъ собраніе въ одно мѣсто всѣхъ живущихъ по городамъ и селеніямъ и читаются сказанія апостоловъ или писанія пророковъ, сколько оказывается возможнымъ; потомъ, когда чтець перестанетъ, предстоятель посредствомъ слова дѣлаетъ увѣщаніе и приглашеніе къ подражанію симъ добрымъ (мужамъ, образцамъ); затѣмъ встаемъ всѣ вмѣстѣ и возсылаемъ молитвы; и когда окончимъ молитвы, приносятся хлѣбъ и вино и вода и предстоятель равнымъ образомъ возсылаетъ молитвы и благодаренія, сколько можетъ (сколько его сила, — *ὅσῃ δυνάμει αὐτοῦ*), а народъ выражаетъ свое одобреніе, говоря: аминь; и бываетъ раздаяніе каждому и причащеніе (даровъ), надъ которыми совершено благодареніе, а къ отсутствовавшимъ они посылаются съ діаконами“²⁾. Послѣ образца литургіи половины II вѣка знаемъ образецъ литургіи конца III вѣка, читаемый во 2-й книгѣ Постановленій апостольскихъ (гл. 57). Составъ этой второй литургіи есть слѣдующій: 1) чтець на какомъ нибудь возвышеніи читаетъ Священное Писаніе Ветхаго Завѣта; 2) послѣ двухъ чтеній (*ἀνα δύο γενομένων ἀναγνώσματων*) кто нибудь другой поетъ Давидовъ псаломъ, а народъ подпѣваетъ концы (*τὰ ἀκρόστιχα*); 3) читается апостоль, а послѣ апостола читается евангеліе (во время чтенія котораго всѣ стоятъ); 4) пресвитеры обращаются съ увѣщаніемъ къ народу,—одинъ за другимъ, а не всѣ вмѣстѣ, а послѣ всѣхъ тоже дѣлаетъ епископъ; 5) всѣ вмѣстѣ встаютъ и по выходѣ оглашенныхъ и кающихся молятся на востокъ Богу, возшедшему на небо небесное; 6) діаконъ, предстоящій архіерею, обращается съ увѣщаніемъ къ народу, чтобы никто не имѣлъ противъ кого, чтобы никто—въ лицемѣрїи, и бываетъ лобызаніе мужчинъ съ мужчинами и женщинъ съ женщинами; 7) діаконъ молится о всей церкви и о всей вселенной, о плодахъ (плодоношеніи), объ іереяхъ и начальникахъ, объ архіереѣ и царѣ и о всеобщемъ мирѣ; 8) архіерей молится о мирѣ народа и благословляетъ его; 9) бываетъ жертва въ предстояніи всего, тихо молящагося, народа, и когда будетъ она принесена, всѣ причащаются³⁾.

¹⁾ Въ толкованіи литургіи, см. въ Патрол. *Миня* t. 87, col. 3981 n. а.

²⁾ Апологіи гл. 67, у *Миня* въ 6-мъ томѣ.

³⁾ Въ Патрол. *Миня* t. I, col. 724, sqq, въ изданіи *Питра*: *Iuris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta*, t. I, p. 233 sqq

Сохранившіяся до насъ и переданныя нами извѣстія о литургіяхъ половины II-го и конца III-го вѣковъ показываютъ, чѣмъ была литургія въ половинѣ II и въ концѣ III вѣка въ отношеніи къ своему общему составу; что же касается до частныхъ, то должно быть предполагаемо большое ихъ разнообразіе и большая ихъ неустойчивость: за исключеніемъ образа совершенія таинства евхаристіи, который, какъ говоритъ Софроній Іерусалимскій, твердо установленъ былъ еще во времена апостольскія, все остальное находилось въ полномъ распоряженіи настоятеля каждой отдѣльной церкви или епископа. Конечно, далеко не всѣ епископы пользовались своимъ правомъ составлять себѣ свои собственныя литургіи, такъ какъ не у всѣхъ могло хватать на это и умственныхъ средствъ и такъ какъ многіе могли не находить въ этомъ никакой нужды. Но если допустить, что каждая частная церковь имѣла одну собственную литургію: то и тогда разнообразіе въ частностяхъ будетъ необыкновенно большимъ. Послѣ того какъ явилась въ церковномъ управленіи централизація и образовались митрополичьи или митрополитанскіе округа, епископіи, нѣтъ сомнѣнія, начали усвоить себѣ литургіи своихъ митрополій: ¹⁾ но и число митрополій было очень велико. Что и дѣйствительно было написано большое число литургій, не говоря о литургіяхъ, сохранявшихся безъ письмени, это подтверждаетъ св. Прокль, патриархъ Константинопольскій († 446 или 447 г.), который въ своемъ словѣ о преданіи божественной литургіи говоритъ: „многіе божественные пастыри и учителя церкви, преемствовавшіе священнымъ апостоламъ, оставивъ письменное изложеніе таинственной литургіи, предали (его) церкви“²⁾. И это же говорятъ, какъ мы видѣли выше, церковные историки Сократъ и Созоменъ.

Во второй половинѣ IV вѣка литургіи достигли такой обширности, что Василій Великій († 379) и Іоаннъ Златоустый († 407), снисходя къ человѣческой слабости своихъ пасомыхъ, тяготившихся продолжительностію службы, сократили литургіи, употреблявшіяся въ ихъ церквахъ, приготовивъ свои ихъ редакціи³⁾. Какъ принадлежавшія знаменитымъ отцамъ церкви, литургіи Василя Великаго и Іоанна Златоустаго постепенно начали входить въ общее употребленіе, вы-

¹⁾ На Западѣ это прямо было предписываемо, см. *Бингана* Origines, vol. V, p. 114.

²⁾ Въ Патрол. *Миня* t. 65, col. 849.

³⁾ Одна изъ обширныхъ литургій, предшествующихъ Василю Великому, читается въ 8-й книгѣ Постановленій апостольскихъ, гл. 6—15.

тѣсныя мѣстныя, дотолѣ бывшія въ разныхъ церквахъ, литургіи. Такимъ образомъ, появленіе литургій Василия Великаго и Іоанна Златоустаго составило эпоху въ исторіи литургій, замѣнивъ очень большое количество ихъ лишь двумя. Однако, не случилось и того, чтобы на будущее время начали существовать и быть употребляемыми въ церквахъ только двѣ совершенно единообразныя литургіи. Литургіи начали существовать только двѣ¹⁾, но не такъ, чтобы каждая изъ нихъ сохраняла полное единообразіе во всѣхъ церквахъ и во всѣхъ употреблявшихся церквами ихъ спискахъ, а такъ, чтобы въ церквахъ и по употреблявшимся въ нихъ спискамъ каждая изъ нихъ получила болѣе или меньшее разнообразіе въ частностяхъ. Литургіи Василия Великаго и Іоанна Златоустаго принимаемы были въ общее употребленіе, но при этомъ принимавшіе ихъ въ употребленіе предстатели разныхъ церквей позволяли себѣ относиться къ нимъ съ нѣкоторою свободою: кое-что вносили въ нихъ изъ прежнихъ литургій, кое-что измѣняли по собственному усмотрѣнію. Такимъ образомъ, та и другая литургія болѣе или менѣе и оразнообразились по частнымъ церквамъ. Дальнѣйшее ихъ разнообразіе производили писцы рукописей, которые на основаніи нѣсколькихъ несогласныхъ списковъ литургій составляли свои новыя ихъ редакціи. Во второй половинѣ XIV вѣка Константинопольскій патріархъ Филоеѣй, бывъ, вѣроятно, побуждаемъ желаніемъ ввести въ литургіяхъ единообразіе, приготовилъ было свою ихъ редакцію. Однако, и эта редакція Филоеева вовсе не положила конца разнообразію литургій, которое оставалось до самаго начала книгопечатанія.

Разнообразіе литургій, существовавшее у Грековъ, перешло въ болѣе или меньшей степени и въ наши славянскія рукописи и у насъ самихъ должно было умножиться отъ того, что писцы нашихъ рукописей, подобно писцамъ греческимъ, изъ разныхъ, несогласныхъ между собою, списковъ литургій составляли новыя редакціи послѣднихъ. Чтобы ознакомиться съ разнообразіемъ славянскихъ списковъ литургій, должно читать тотъ томъ Описанія славянскихъ рукописей московской синодальной бібліотеки, принадлежащаго покойнымъ А. В.

¹⁾ Это должно быть сказано, впрочемъ, съ оговоркой. Изъ вопросовъ Марка, патріарха Александрійскаго, къ Теодору Вальсамону, относящихся къ 1203-му году, видно, что въ предѣлахъ Іерусалимскихъ и Александрійскихъ даже до того времени были въ употребленіи литургіи апостола Іакова и евангелиста Марка,— у *Рамы* и *П.* IV, 448.

Горскому и К. И. Невоструеву, въ которомъ содержится описаніе книгъ богослужебныхъ (№ 342 и слѣдующіе).

О прочихъ общественныхъ службахъ мы не можемъ сообщить послѣдовательныхъ свѣдѣній, что впрочемъ для нашей цѣли и не нужно. Въ первые, тѣ или иные, годы времени апостольскаго не было литургіи: но совершать общественную молитву христіане, разумѣется, начали съ самаго перваго времени, какъ о томъ и свидѣтельствуется книга Дѣяній апостольскихъ, — 2, 42. Христіане изъ Іудеевъ первоначально молились вмѣстѣ съ Іудеями въ ихъ храмѣ и ихъ синагогахъ (Дѣян. 2, 46; 3, 1; 21, 20), а христіане изъ язычниковъ, какъ, вѣроятно, потомъ и христіане изъ Іудеевъ, имѣли общественное богослуженіе только первому времени свойственное и отличное отъ послѣдующаго, по присутствію въ церкви апостольской особыхъ, сверхъестественныхъ, дарованій,—1 Корин. 14, 26 (Колосс. 3, 16; Ефес. 5, 19). Спустя много времени послѣ вѣка апостольскаго мы находимъ три класса иныхъ общественныхъ службъ кромѣ литургіи, именно: службы церквей каѳедрально-епископскихъ, службы церквей приходскихъ и службы монастырей¹⁾, при чемъ дѣло относительно ихъ появленія должно быть представляемо такъ, что сначала явились службы церквей каѳедрально-епископскихъ, что когда отдѣлились отъ каѳедрально-епископскихъ церквей приходскія церкви, явились службы сихъ послѣднихъ, и что наконецъ явились службы монастырей, которыя, какъ вѣроятно думать, первоначально взяты были монахами у приходскихъ церквей, но потомъ были разширены и умножены²⁾. Въ продолженіе неизвѣстнаго времени до начала XIII вѣка службы церквей каѳедрально-епископскихъ вышли изъ употребленія и остались службы церквей приходскихъ и монастырей³⁾. То или иное отношеніе имѣли службы приходскихъ церквей къ службамъ монастырей въ древнее время, но въ позднѣйшее время онѣ являются сокращеніемъ вторыхъ службъ, такъ что во всѣхъ церквахъ службы

¹⁾ См. нашей Исторіи русской церкви т. I, втор. полов. стр. 299 sqq.

²⁾ Въ Греціи европейской и азіатской приходскія церкви явились, кажется, уже послѣ появленія монастырей, но въ Греціи африканской, — въ Египтѣ, какъ даетъ знать Епифаній,—*Haeres. LXIX, Arian. c. 1* (у *Битамы* въ *Origines*, III, 598), онѣ явились ранѣе монастырей. И у монаховъ египетскихъ дѣйствительно было общественныхъ службъ, подобно тому, какъ въ приходскихъ церквахъ, только двѣ,—вечерня и утреня, см. Кассіана у *Битамы* *ibid.*, V, 303, у *П. С. Казанскаго* въ Исторіи монашества, I, 137.

³⁾ См. въ нашей Исторіи *ibid.*, стр. 300 sqq.

стали однѣ и тѣже, только въ однѣхъ церквахъ—въ полномъ видѣ, въ другихъ церквахъ—въ болѣе и менѣе сокращенномъ видѣ. А слѣдовательно, у Грековъ и у насъ могли явиться въ печати и при этомъ болѣе или менѣе разрозниться между собой только эти, ставшія общими всѣмъ церквамъ, службы монастырскія.

Въ древнѣйшее время монастырскія службы были весьма разнообразны: извѣстный Іоаннъ Кассіанъ, монахъ и игуменъ Марсельскій († послѣ 432-го года), говоритъ, что заутренъ въ монастыряхъ было въ его время почти столько же много, сколько было самыхъ монастырей и монашескихъ келей¹⁾. Въ уставной записи Студійскаго монастыря говорится о разнообразіи монастырскихъ службъ, что „многія и различныя утвердились въ честныхъ монастыряхъ отъ древнихъ временъ преданія“²⁾. Съ теченіемъ времени относительно монастырскихъ службъ случилось то же, что относительно литургій, — вошли въ общее употребленіе уставы этихъ службъ, принадлежавшія двумъ знаменитымъ монастырямъ: Палестинскому Саввы Освященнаго и сейчасъ помянутому Студійскому Константинопольскому. А потомъ наконецъ сталъ общимъ уставомъ одинъ только уставъ, именно—первый, Саввы Освященнаго³⁾. Но какъ въ литургіяхъ Василія Великаго и Іоанна Златоустаго, принятыхъ въ общее употребленіе, явилось собственное болѣе или менѣе разнообразіе, такъ это же самое случилось и съ принятыми въ общее употребленіе службами монастырей Саввина и Студійскаго. Извѣстно свидѣтельство объ этомъ Никона Черногорца, читаемое въ его Тактиконѣ⁴⁾; о томъ же свидѣлствуютъ и наши славянскія рукописи⁵⁾.

¹⁾ Tot propemodum typos ac regulas vidimus usurpatas, quod monasteria cellaque conspeximus, см. у *Бимана* въ Origines, vol. V, p. 335.

²⁾ См. нашей Исторіи русской церкви т. I, втор. полов., стр. 671 fin...

³⁾ Уставъ Саввы Освященнаго сталъ господствующимъ на востокъ Греціи, уставъ Студійскій—на западѣ; а затѣмъ и на западѣ Греціи былъ принятъ первый уставъ, по словамъ Сумеона Солунскаго (см. нашей Исторіи русской церкви т. I, втор. полов. стр. 303 sqq), въ первой половинѣ XIII вѣка. У насъ въ Россіи первоначальный Студійскій уставъ, введенный преп. Теодосіемъ Печерскимъ, началъ смѣняться Іерусалимскимъ уставомъ съ послѣдней четверти XIV вѣка, со времени митр. Кипріяна.

⁴⁾ „Различны типики Студійскія же и Іерусалимскія прочтохъ и собрахъ, и не согласшася единъ ко другому, ниже Студійскій со друзьмъ Студійскимъ, ни Іерусалимскій со другимъ Іерусалимскимъ“, предисл. л. 11, тоже въ словѣ 6-мъ, л. 44 об.

⁵⁾ См. въ Описаніи синодальныхъ рукописей *Горск. и Невостр.* съ № 380-го.

Изъ сказаннаго ясно, какимъ образомъ при введеніи единообразія въ богослужебныхъ книгахъ Греками и нами—Русскими отдѣльно и независимо одними отъ другихъ могло случиться, чтобы наше русское единообразіе оказалось нѣсколько отличнымъ отъ единообразія греческаго или нѣсколько разнымъ съ нимъ.

Итакъ, изъ всего сказаннаго нами слѣдуютъ вотъ какія заключенія:

никто никогда не повреждалъ чистоты православія у позднѣйшихъ Грековъ и они постоянно сохраняли, какъ и до сихъ поръ сохраняютъ, его во всей его неприкосновенной цѣлости;

если между Греками и нами—Русскими произошло нѣкоторое разрозненіе въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ и въ богослужебныхъ книгахъ: то причину сего составляло не отступленіе позднѣйшихъ Грековъ отъ чистаго православія древнихъ Грековъ, чего вовсе не было, а нѣчто совершенно другое и имѣющее совершенно другой смыслъ;

исправленіе обрядовъ и обычаевъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ, предпринятое патр. Никономъ и состоявшее въ томъ, чтобы въ отношеніи къ обрядамъ и обычаямъ церковнымъ и къ богослужебнымъ книгамъ привести насъ въ согласіе съ современными ему—патріарху Греками, было дѣломъ вполне благословнымъ.